

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяla vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяla vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

Домик на юге

Осторожно - дети! Инструкция по применению

Собирайся, мы уезжаем

Соня и Александра

Плюс один стул

Чужой ребенок

Счастливая семья

Терпкий вкус тутовника

Руками не трогать

Истории моей мамы

Наша девочка

Плохая мать

МАША
ТРАУБ
ПЛОХАЯ МАТЬ

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии
С. Груздева

Иллюстрация на переплете *М. Дорошенко*

Трауб, Маша.

Т65 Плохая мать / Маша Трауб. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-85793-7

Эту книгу я писала с оголенными нервами, потому что была мамой новорожденной девочки. Она о самой главной, самой большой любви в жизни женщины — о любви к ребенку.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85793-7

© Трауб М., 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Я родила девочку. Точнее, так — я стала мамой девочки. Это совсем другое. Я — мама мальчика и могу отличить эти чувства. Девочка — это совсем твое. Она — твое продолжение, твоя кровь. Я только сейчас поняла, что это такое. Кровиночка. Я веду себя как животное — могу лишь нюхать своего детеныша, кормить и облизывать. Когда она только родилась, я закрывалась в комнате и мечтала только об одном — чтобы к нам никто не заходил. Я, словно волчица или собака, бросалась на тех, кто меня тревожил и хотел ее забрать у меня. Я не хотела гостей, не хотела мужа, маму, сына, никого не хотела. Мне нужна была только моя девочка. Это прошло. Не до конца — я по-прежнему очень тяжело от нее отлипаю, но уже могу спокойно пережить двухчасовое расставание. Это правильно. Так должно быть. Но то ощущение я помню до сих пор, как муж помнит ощущение в ладони, когда он клал руку мне на живот.

Я стала мамой девочки. Теперь я всегда во всем буду виновата. Теперь я должна буду бросать все

Маша Трауб

и бежать к ней. Теперь я буду всю жизнь бояться за ее здоровье. Теперь я буду сидеть с внуками. Теперь я поняла, насколько сильно я люблю свою маму и насколько сильно она любила меня. Чтобы это понять, мне нужно было родить девочку. Чтобы решиться написать про маму, я должна была сама стать мамой. Такой маленькой, удивительно красивой малышки, с длинными ресничками, бровками, глазками и пухлыми губками. Я смотрю на нее и умираю от счастья.

Эта книга не только о моей маме и ее жизни, но и о матерях — женщинах и даже мужчинах, которые стремились к одному: «быть хорошей матерью». Я расскажу о маме не в хронологическом порядке, а в том, в каком я вспоминала свое детство. Память так часто шутит — цепляется за какую-то незначительную деталь из настоящего, и раз — ты уже не здесь, а в тех временах, которые старалась все эти годы забыть или, наоборот, хранила как воспоминание.

Я не знаю, как воспитывать девочек. Совершенно ничего в них не понимаю.

Когда Серафиме, Симе, так зовут мою дочь, было несколько месяцев, я испугалась до обморока. Я же помню, какая должна быть грудь у младенца! Я же вырастила сына Василия, в кон-

Плохая мать

це концов! У Симы с грудью явно было что-то не то. Я вызвала врача.

— Что с ней? — спросила я, когда врач послушала и посмотрела малышку.

— Поздравляю, — ответила врач, — вы родили девочку. Маша, это молочная железа!!!

Я ей нужна, и это самое для меня удивительное. Когда я брала маленького сына на руки, он начинал активно дрыгать ногами и сползать с «ручек». Ему нужно было ползать, ходить, только не сидеть на руках.

— Что? Что? Я не понимаю! Почему она плачет? — спрашивала я мужа, когда Сима хныкала. Я хватала ее на руки и прижимала к себе. Девочка замолкала.

— Наверное, она так просит, чтобы ее поносили, — сказал муж.

Мы носим ее по очереди. Оба до сих пор удивленные.

— У нее какашки черного цвета! — кричу я мужу. — Скорее дай мне телефон! Почему они черные? Это желудок! Нет, кишечник! У нее даже язык черный! Как у собаки чау-чау!

И уже с телефоном в руке, набирая номер врача, вспоминаю, как точно так же кричала девять лет назад, когда накормила сына черникой. Только тогда я была покрепче нервами.

Маша Трауб

— Я тебе вообще ничего не должна! Я тебя родила! Я твоя мать! Что ты из меня кровь пьешь?! — Моя мама стояла в коридоре, срывала с вешалки куртку, кричала и плакала.

Мама приехала рано утром в субботу. Обычно она приезжает уже после завтрака — когда мы все красивые, умытые и улыбающиеся. А тут приехала специально рано, чтобы накормить завтраком. И увидела меня, свою дочь, — уставшую, задерганную, еще не восстановившуюся после родов. Увидела внука с синими кругами под глазами, худющего и измотанного к концу учебного триместра. Увидела зятя, который в этой ранний час был похож на старую грустную панду. И маленькую девочку, свою внучку, которая, услышав незнакомые звуки, начала плакать навзрыд.

Мама ушла на кухню. Гренки сторели, кофе убежал.

Тут прибежала я — варить кашу. Мама, решившая сварить борщ, мне мешала.

— Мам, давай ты потом все приготовишь?

Вот с этого все и началось, как начинаются скандалы в большинстве семей. С ерунды. С фразы, которую потом никто не помнит.

Мама начала ругаться. Я знала, что она кричит от страха и от бессилия — она не может мне помочь, не может сделать так, чтобы мне было легче. И вместо этого произносит баналь-

Плохая мать

ные бабские фразы типа: «Ты знала, на что шла, когда рожала второго ребенка!»

Именно поэтому она когда-то переехала жить за город. Чтобы ненароком не вмешаться в мою жизнь. Чтобы дать мне возможность жить самой так, как я считаю нужным.

— Я не лезу к тебе со своими замечаниями, не треплю тебе нервы и не сижу у тебя на шее, — говорит она.

И никак не может понять, что я хочу, просто мечтаю о том, чтобы она лезла ко мне, трепала нервы и сидела на шее. Я по ней безумно скучаю. Так сильно, что все время с ней разговариваю. Советуюсь, рассказываю про детей, про работу. Я могу ей позвонить в любой момент. Но не нарушаю этот заключенный ею не пойми с кем, скорее с самой собой, пакт о невмешательстве в мою жизнь. Не звоню, потому что запросто могу услышать, что ей некогда или она занята, хотя совершенно точно знаю, что ей есть когда.

— Мама, почему ты мне не звонишь?

— Зачем?

— Просто поговорить.

— Тебе больше заняться нечем? Если что-то случится, я позвоню. Точнее, тебе позвонят. Ты же знаешь, я паспорт всегда с собой ношу. Чтобы легче было опознать.

Маша Трауб

— Мам, перестань так шутить. Пожалуйста. Я уже не воспринимаю такие шутки.

— Что ты от меня хочешь? Я уже старая и тупая.

— Неправда. Ты еще молодая и мудрая.

— Я уже давно ничего в этой жизни не понимаю. Не хочу понимать. Уже ничего не хочу.

Я смотрю на Симу и хочу... Хочу быть ей должна. Столько, сколько смогу. Столько, сколько выдержу. И пусть она пьет из меня кровь. Пусть всю выпьет, только не перестанет во мне нуждаться. Пусть зовет, просит, требует. Моя мама мечтала о том, чтобы я выросла сильной и, по ее собственному выражению, «не пропала в этой жизни». Я выросла сильной и теперь хочу, чтобы моя дочь выросла слабой.

— Ты меня хоть любишь?! — кричит мой сын Василий, когда я прошу его сделать то, что он не хочет, — уроки, уборку...

Дети часто об этом спрашивают. И остаются совершенно равнодушными, когда им отвечаешь: «конечно, люблю», «не говори глупости», «как ты можешь такое спрашивать?» и тому подобное. Они хотят слышать «я тебя люблю» через каждые пять минут. К ним нужно подходить и надоедать с поцелуями. Они будут отмахиваться, вытираться и говорить: «Ну хва-

Плохая мать

тит!» И будут ждать, когда ты снова подойдешь и начнешь чмокать в шею, в руку, в нос — куда придется.

Когда Вася был маленький, я старалась сдерживаться. Он мальчик, с ним нельзя сюсюкаться, нельзя облизывать. Сейчас я уже не сдерживаюсь. Наверстываю упущенное. Заворачиваю по вечерам в одеяло так, чтобы даже повернуться не смог, и начинаю зацеловывать. Он хохочет и вырывается.

Маленькую Симу целуют все безостановочно.

— Слушай, мы ее уже затискали, — сказала я мужу.

— А зачем мы ее рожали? — удивился он. — Чтобы целовать и тискать.

Я до сих пор спрашиваю у мамы, любит ли она меня... Она меня редко целовала в детстве. И бабушка тоже. Я была не одна такая. Вот не помню я ни одной подружки, которую мама целовала, когда та уходила погулять. Или встречала поцелуем после школы.

— Мама, а тебя бабушка целовала? — спросила я.

— Нет... Тогда время другое было...

— Ты меня хоть любишь?

— Любишь, не любишь... я не понимаю, что это такое. Ты моя жизнь.

Маша Трауб

— А Вася?

— Вася — моя страсть.

Мне всегда казалось, что мама меня не любит. Когда заставляла мыть полы, поднимая, а не отодвигая стулья. Когда учила готовить. Когда отправляла в новую школу, в другой город, к незнакомым людям...

Только теперь я понимаю, что это была безумная материнская любовь. Только благодаря этой любви мне ничего не страшно в жизни.

Вася стоит в вестибюле роддома. Они с отцом приехали меня встречать. Вася пугается в ногах и дергает ручку двери. До этого он лежал с температурой сорок. Всю ту неделю, которую я провела в роддоме. Врач сказала, что это из-за меня — на нервной почве.

— Васенька, малыш, я скоро вернусь. Потерпи еще чуть-чуть! — шепчу я в трубку. — Я тебя очень люблю!

— Я тебя сильнее люблю, — хрипит он.

— Нет, я тебя сильнее.

— Нет, я тебя.

Дома я кормлю грудью новорожденную девочку — Вася уже большой, и я прошу его выйти из комнаты и закрыть дверь. Я вижу, как он смотрит. Это мой взгляд. Муж его называет «вся скорбь еврейского народа». Мне хочется его

Плохая мать

обнять, посадить на колени и поговорить. Но на руках плачет девочка, Сима, которая не может ухватить грудь.

Вечером Вася застывает в проеме двери.

— Что ты хочешь? — спрашиваю я. — Сима только-только уснула.

— Ты... можешь полежать со мной?

— Ты же уже взрослый! — говорит муж. Он страдает оттого, что не может лактировать, и на время кормления вынужден выпускать дочь из рук.

Вася уходит. Он не плачет. Плачу я.

Вася нашел своего старого медвежонка и обнялся с ним. Я ложусь, прижимаюсь.

— Ты меня хоть любишь? — спрашивает он.

— Ты моя жизнь, — отвечаю я.

— А Сима?

— И Сима.

— А кого она будет любить больше всех?

— Тебя. Только ты ее тоже люби.

Вася достает сестренку из коляски и, внимательно глядя ей в глаза, говорит: «Я твой старший брат. Я тебя люблю».

* * *

Все говорят, что дочь похожа на папу. Но когда она поворачивает голову так, чуть с наклоном — становится копия бабушки. То есть

Маша Трауб

прабабушка. Я это вижу. Это увидела и мама. Она взяла ее на руки и прижала. Так крепко, что я думала — раздавит. Она ей что-то прошептала на ушко. Я не стала спрашивать что. Она часто уходит в себя. Мне кажется, что она до сих пор ругается с бабушкой. Или не ругается, а рассказывает ей про правнуков.

Говорят, что детей и внуков любят одинаково. Ничего подобного. Мама сделала свой выбор — она любит Васю и не скрывает этого.

«Я все равно буду любить тебя больше всех», — услышала я недавно, как она шепчет внуку.

— Больше, чем Симу? — удивился он, привыкший к тому, что я не выделяю одного из детей.

— Да, тебя — больше всех, — твердо и уверенно заявила мама.

— Почему? — ошалел от радости Вася.

— Потому что ты — мой внук. Ты — мужчина. Ты — глава семьи. Ты — талант. Ты — продолжение моего рода.

Мама говорит это так торжественно, так... даже страшно... меня передергивает от волнения.

* * *

Мама была третьим ребенком, которого родила бабушка. Первый — мальчик — умер сразу после родов. Вторая, девочка Лида, была совершенно чудесной. Доброй, улыбчивой, ласковой.

Плохая мать

Любила возиться с тестом — усердно раскатывала маленькие кружочки, придавливала их пухлой ручкой и лепила, открыв от старательности рот, пирожки. Она и сама была такая серьезная, основательная и очень правильная — с пухлыми румяными щечками, косичками... Таких называют «мамина радость», по-другому не скажешь. У Лидочки был даже свой личный фартучек с яблочком и маленькая скалка. Лида умерла от пневмонии. В больнице не было лекарства. В соседней, куда привезли, тоже. До города уже не доехали. Девочке было три года.

Потом родилась моя мама, Ольга, — полная противоположность Лиде. Мама была упряма и неуправляема. Дерзила, хамила и кидалась в драку. Терпеть не могла заниматься домашним хозяйством — ей было проще разбить тарелку, чем помыть. Бабушка гоняла ее по двору то крапивой, то мокрым вафельным полотенцем. Без толку. Мама все равно делала так, как считала нужным. Характера ей было не занимать. Тогда для девочки это считалось чуть ли не приговором — как такая замуж выйдет? Кто возьмет?

А потом родился сын — Костик. Бабушка чуть не умерла от счастья. Мальчик был золотой — умный, красивый, талантливый. Еще в роддоме все ахали — вырастет, девки будут хороводы вокруг него водить! Он таким и вырос: